

* * *

Е.В. Поникаров

В начале 90-х на факультете возник клуб интеллектуальных игр «Самсон», и в 1992 году появилась мысль сыграть на Неделе мат-меха в «Что? Где? Когда?» между кафедрами. Предполагалось, что преподаватели и студенты будут играть вместе – смешанными командами. Не всем удалось воплотить эту схему, но у нас на кафедре теории вероятностей и математической статистики баланс оказался идеальным – три преподавателя и три студента. Мы выиграли, а после игры Яков Юрьевич в обычном своем стиле аккуратно и даже несколько академично сформулировал, что формат сплава зрелости и молодости получился удачным и очень ему понравился – неспешная основательная эрудиция старшего поколения плюс скорость мышления младшего. Через год мы выиграли такой же турнир еще раз, и снова Я.Ю. был в составе команды.

1992 год. Неделя матмеха. Дворец культуры и науки «Шайба».
Сборная кафедры теории вероятностей и математической статистики:
Александр Шапиро, Яков Юрьевич Никитин, Евгений Поникаров.

За команду также играли
Валерий Борисович Невзоров, Олег Витальевич Русаков и Константин Алдохин.

Яков Юрьевич вообще любил игру «Что? Где? Когда?». Когда к 60-летнему юбилею я подарил ему книгу с автографами Александра Друзя и Максима Поташева, он был очень доволен, что теперь у него в библиотеке есть вещь с автографами двух магистров игры.

Примерно так я собирался изначально писать этот текст. О широте интересов и эрудиции моего научного руководителя. С ним можно было поговорить об ироничных романах Иоанны Хмелевской «Что сказал покойник» и «Все красное» (от которых он был в восторге¹), или о каналах Венеции (от которых Яков Юрьевич, наоборот, в восторг не пришел – хоть и красиво, но запах). О знаменитой серии книг по занимательной математике «Математическая мозаика», коллекция которых стояла на его полках, или об официальной статистике по коронавирусу весной 2020 года. Обсудить можно было что угодно – от проблем с дистанционным обучением до забавной легенды, что фамилию итальянского математика Джини ни в коем случае не принято произносить вслух – обязательно что-нибудь стряется. Он мог поинтересоваться в телефонном разговоре некоторыми событиями из мира «Что? Где? Когда?» или прислать тест о поэзии по электронной почте.

Но я очень быстро понял, что это неправильно. Невообразимо узко. Эрудиция – это замечательно, но на таком уровне в ней нет ничего необычного. Узких знатоков нет. Даже Конан Дойль, сделав своего Шерлока односторонним специалистом, быстро спохватился, осознал неестественность ситуации – и через несколько лет Холмс с Ватсоном уже обсуждают астрономические и биологические проблемы.

Гораздо реже встречается другое. И пусть даже об этом – я уверен – в книге напишут многие другие люди, не могу не сказать сам.

Яков Юрьевич помогал людям.

Да, мы по сути не вышли за пределы отношений учитель – ученик. Все же между нами было как раз поколение (свадьба моих родителей состоялась практически одновременно с его свадьбой). Но кто сказал, что этого мало? Для меня он был идеальным научным руководителем. Кто-то улыбнется и подумает про гиперболизацию, вполне допустимую для воспоминаний, но я все равно буду настаивать на этом слове.

Марк Аврелий как-то написал, что человек должен стоять сам по себе, а не с подпорами. Но это хорошо говорить, когда ты уже император, а молодым добираться до такого устойчивого состояния всегда сложно, тем более, что речь идет о 90-х годах.

Дело не только в диссертации. Естественно, Я.Ю. «болел» за своих аспирантов. Давал идеи. Исправлял ошибки. Помогал публиковать статьи. Добивался для нас грантов. И даже обиделся на мою жену, когда она из-за ребенка не смогла прийти на защиту – сказал, что уж в такой важный день надо было постараться выкрутиться и все же появиться на факультете. Когда мы его огорчали, он высказывал недовольство весьма умеренно. Однажды рассказал, как долго молчавший аспирант позвонил ему за несколько минут до Нового года: «Представьте, Женя, я с бутылкой в руке, уже почти разливаю шампанское, и тут звонок».

Но его помощь выплескивалась далеко за пределы науки.

1 Это все же преувеличение. – Прим. Т.П. Никитиной.

Из-за рождения сына я затянул с диссертацией, и Яков Юрьевич не просто терпел это, а нашел способ продлить срок прописки в общежитии. И я знаю, какие гигантские усилия он и Ильдар Абдуллович Ибрагимов приложили для моей постдокторантуры в Париже, которая сказалась на всей моей дальнейшей жизни. Даже когда я ушел из университета, Никитин звонил и предлагал мне варианты преподавания: «Женя, я тут узнал об одной возможности и подумал о вас...»

И так во всем: вот упоминаю сейчас Париж, и сразу вспоминается его рекомендация, какой путеводитель лучше купить, чтобы узнать об интересных закоулках, на которые самостоятельно вряд ли наткнешься. Пишу о статьях – и на ум приходит, что именно он переводил их на английский. Говорю о работе – тут же в голове всплывает: а ведь когда мне довелось стать научным редактором одной книги по статистике, он выкроил время на чтение и не отказал в совете.

Я безо всякого преувеличения говорю, что, если не считать семью, то именно Яков Юрьевич Никитин оказал наибольшее влияние на мою жизнь.

А Марка Аврелия можно простить: в конце концов, в другой главе своих «Размышлений» он пишет: «Не стыдись, когда помогают; тебе поставлена задача, как бойцу под крепостной стеной. Ну что же делать, если, хромый, ты не в силах один подняться на башню, а с другим вместе это возможно?»

Яков Юрьевич поднял на башню многих.

Моего сына зовут Никита. Он знает, почему.

И Яков Юрьевич успел помочь и ему.